

УДК 811
ББК 81.2

К ВОПРОСУ ОБ АМБИВАЛЕНТНОСТИ ПИСЬМА: взаимопроникновение текста и общественно-политического контекста

Т.К. Жорж

Аннотация. В статье рассматривается — на примере известного испанского писателя-философа Мигеля де Унамуну — неизменно актуальный вопрос взаимной включенности социально-политического контекста и текста. Произведения литературы неизбежно «хранят память» конкретной историко-политической ситуации, которая отразится и в философско-публицистических эссе, и в поэзии, даже если писатель склонен анализировать общественно-политические проблемы в общегуманистическом ракурсе. Историческая ситуация Испании 30-х годов XX века подтолкнула уже немолодого мыслителя — автора нравственно-этических философских романов, эссе и стихотворных циклов — к открытому решительному осуждению режима, что стало причиной карательных санкций и ускорило его смерть, а также превратило в духовного лидера и символ антифранкистского гуманизма. Статья написана с учетом результатов опроса-тестирования студентов иберороманистов. В условиях сокращения аудиторных часов и виртуализации учебного процесса даже ключевые события историко-культурного процесса стран изучаемого языка не получают должного освещения, что лишает студентов возможности изучить опыт чужих ошибок, а история, как известно, развивается по спирали.

Ключевые слова: амбивалентность письма, контекст, диалогичность, Мигель де Унамуну, вульгарно-социологический подход.

327

ON THE AMBIVALENCE OF WRITING: Interpenetration
of a Text and Socio-Political Context

Т.К. George

Abstract. The article considers the invariably relevant issue of mutual inclusion of socio-political context and text on the example of the famous Spanish novelist and philosopher Miguel de Unamuno. Works of literature “keep the memory” of a particular historical and political situation, which will be reflected in philosophical and journalistic essays and poetry, even if the writ-

er is inclined to analyze social and political problems from a general humanistic perspective. The historical situation in Spain of the 30s of the 20th century has prompted an elderly thinker — the author of moral and ethical philosophical novels, essays and poetic cycles — to openly and decisively condemn the regime, which caused punitive sanctions and accelerated his death, as well as turned into a spiritual leader and symbol of anti-Franco humanism. The article is written taking into account the results of a survey-testing of Iberian Romance Department students. Given the reduction in classroom hours and the virtualization of the educational process, even key events in the historical and cultural process of the countries of the language being studied do not get adequate coverage, which deprives students of the opportunity to study the experience of other people's mistakes, and history, as you know, develops in a spiral.

Keywords: *ambivalence of writing, context, dialogic, Miguel de Unamuno, vulgar-sociological approach.*

Литература и политика неизменно взаимосвязаны. Писатель, даже уединившись в «башне из слоновой кости» (“torre de marfil”) [1, с. 1214], является выразителем политических оценок, имплицитных или эксплицитных. Вспомним тезисы М.М. Бахтина о взаимной включенности культурно-исторического компонента и текста, Ю. Кристевой об «амбивалентности письма», являющейся (наряду с диалогичностью) «атрибутом исключительного действия, позволяющего писателю войти в период истории, исповедуя амбивалентную мораль — как отрицающую, так и утверждающую» [2, с. 195–196]. Безусловно, есть писатели, оказавшие значительное и даже определяющее влияние на интеллектуальную и духовную жизнь целого мира. Примеров тому множество.

Испанский писатель и философ Мигель де Унамуно (1864–1936), обдумывая критерии подлинной жизни (не без влияния изученного опыта Л. Толстого), ввел термин «ин-

траистория»: внутренняя, т.е. действующая изнутри, сущностная народная история, противопоставленная внешней, действующей извне, поверхностной государственно-политической истории. Критически переоценив идеи социализма, Унамуно обращается к внутреннему миру человека, ставшего центром мироздания в системе ценностей философа. Выраженный «антропоцентризм» [3, с. 221–230] писателя категорически не приемлет мелкую и ничтожную, обособившуюся от человека, «игнорирующую глубинно человеческие, всеобщие проблемы» [1, с. 1214], а посему бедную содержанием «литературщину» (“literaturismo”) [4, с. 105].

Очевидно, что индивид и общество немислимы друг без друга; поэтому плод самореализации человеческого духа — литературное произведение — не бывает «только индивидуальным или только социальным» [5, с. 338]. Внешняя общественная жизнь — социальный компонент — неизменно присутствует в произведе-

нии, но в идеале — в имплицитном виде, опосредованно, индивидуализировавшись, превратившись в факт духовной жизни автора. Однако «социальные страсти, в диахроническом плане, не успевают и априори не успеют — при накале актуальной борьбы — выкристаллизоваться в глубокие, константные индивидуализированные чувства, атрибут искусства не сиюминутного, одномоментного, но вечного» [там же]. Время выявляет экзистенциальную *вечную* суть. Художественность как сущностный критерий не приемлет преобладания социального компонента, эксплицитности в вопросе отражения социальной жизни, поэтому, отвергнув вульгарно-социологический подход, Унамуно выдвинул критерии «вечности»¹ и антропо-ориентирования. Таким образом, писатель, не только не отрицая, но и всячески подчеркивая социальность искусства² и развивая концепцию социальной ответственности искусства, решает вопрос наличия социального компонента в литературе в экзистенциалистском «общечеловеческом ракурсе» [9, с. 850]³. Главное, что будет воссоздаваться в литературном произведении — «извечные стремления души индивида к экзистенциальной прав-

де и бессмертию — единые для богатого и бедного, хозяина и раба, великого и ничтожного. Ибо эти внутренние влечения — извечные, общечеловеческие» [там же]. Решительно не приемля разделение общества на классы, Унамуно отвергает и деление литературы по классовой принадлежности: «Допуская тот факт, что история — игра в борьбу классов, искусство, литература будут вне, над этой борьбой, объединяя борющихся в человеческое братство» [5, с. 338]. *Вечное* (т.к. истинное) искусство «волнует и учит быть человеком» независимо от классовой принадлежности; но главная его цель — «утешить человека, рожденного, чтобы умереть» [там же]. Точка опоры и деятельной любви — вспомним образ святого мученика отца Мануэля из одноименной новеллы или деревенского священника из романа «Мир во время войны» (“Paz en la guerra”, 1897) — идея народа, которому нужен утешитель и ориентир. Это (найденный во многом под влиянием исповедальной автобиографии Л. Толстого) *интраисторический* путь борьбы с экзистенциальной несправедливостью. В зрелом уже возрасте писатель выразил свой идеал *агониста*, тщетно жаждущего уверовать:

¹ Унамуно в пику модернизму предложил окказиональный термин «вечнизм», в котором подчеркнул наличие декангированной веками, непреходящей ценности совершенных, образцовых творений литературы и искусства общепризнанных вечнистов-классиков: «Вечнизм, а не модернизм — вот чего я хочу; нет модернизму, который лет через десять, когда мода на него пройдет, будет казаться устаревшим и гротескным» [6, с. 1189]. (Здесь и далее перевод наш — Т.Ж.).

² В статье «Социализм и искусство» (1886) писатель отмечает: «Искусство избранных, утонченных, посвященных, аристократов — не искусство. <...> Искусство несоциальное не есть искусство, это нечто иное, похожее на искусство, как обезьяна на человека» [7, с. 575]. В статье «Эстетизм Аннунцио» (1898) Унамуно пишет о первичности социального компонента, социальной ответственности искусства, несовместимости искусства с глухостью к социальным диссонансам: «Пока есть те, кто страдает от голода, жажды или холода, эстетическая проблема будет вторичной. Самое прекрасное — накормить голодного, напоить жаждущего, одеть голого; высшая красота — красота творений милосердия. Искусство украшает жизнь; прекрасной же делают ее только сострадание и справедливость, сплавленные воедино» [8, с. 660].

³ См. об этом подробнее: [3].

LVI

«Al frisar los sesenta, mi otro sino,
el que dejé al dejar mi natal villa,
brota del fondo del ensueño y brilla
un nuevo porvenir en mi camino.

Vuelve el que pudo ser y que el destino
sofocó en una catedral en Castilla,
me llega por la mar hasta esta orilla
trayendo nueva rueca y nuevo lino.

Hacerme, al fin, el que soñé, poeta,
vivir mi ensueño del caudillo fuerte
que el fugitivo azar prende y sujeta;

volver las tornas, dominar la suerte,
y en la vida de obrar, por fuera inquieta,
derretir el espanto de la muerte»⁴

[10, с. 105].

Интересно, что этот поэтический манифест Унамуну согласуется с тем образом писателя, поэта и философа, который сложился у его современников. Другой исполин испанского культурно-философского движения Хосе Ортега-и-Гассет, как известно, исконный оппонент Унамуну, отметил его «непоколебимую веру в то, что нет цели более гуманной, нежели служение публике — зрителям, читателям — будь то поэзией, арией или полемикой» [11, с. 262].

Унамуну — яркий пример философа, для которого «не были приемлемы никакие формы групповой орто-

доксии» [12, с. 297], он не был «ни правым, ни левым» [13, с. 105], «ни фашистом, ни большевиком» [14, с. 177; 15, с. 402], всю жизнь алкал правды, понимания высшего смысла и предназначения человека, бога и вечности. Однако писатель также всегда интересовался и живо откликался на злободневные жизненные вопросы. Так, общественно-политическая обстановка в Испании 30-х годов тревожит философа, который умирает 31 декабря 1936 года и застаёт момент роста популярности и прихода к власти ультраправой Фаланги, что стало причиной кровопролитной гражданской войны, кровавого террора и диктатуры. Об обеспокоенности историей страны, идеологией Испанской Фаланги, проблемами фашизма свидетельствует, в частности, статья «El fajismo en el reino de España» («Фашизм в Испанском королевстве»), опубликованная 28 ноября 1922 в газете «El Socialista». Сделав экскурс в этимологию отсутствующего в испанском языке слова *fajismo*⁵, Унамуну анализирует и оценивает современную ситуацию как явление одного порядка с карлистскими войнами:

«Y el carlismo no ha sido ni ha significado en España otra cosa que el fajismo, el

⁴ Я подхожу к шестидесятилетию, моему следующему уделу,
тому, что я оставил, оставив мой родной город,
прорастает из глубин сна и сверкает
новое будущее на моем пути.

Возвращается тот, кто мог быть и кого судьба
задушила на кафедре в Кастилии,
он прибывает ко мне морем до этого берега,
принося новую прялку и новое льняное полотно.

Стать мне, наконец, тем, кем я мечтал, поэтом,
жить мою грезу о сильном предводителе,
хватаящем и подчиняющем преходящий случай;
направлять русла, властвовать над удачей
и в жизни — пусть она беспокойна — действовать,
расплавить страх смерти.

⁵ Авторский окказионализм *fajismo*, конечно, представляет трудности для перевода. С. Гончаренко, например, предлагает вариант «бацилла фашизофрении» [16].

nacionalismo troglodítico, aunque a veces se disfrace hasta de Socialismo, lo que Menéndez y Pelayo llamó la democracia frailuna. Mejor que democracia, oclocracia, o Gobierno de turbas, de masas y no de pueblo.

Los despechugados de Millán Astray son las camisas negras de Mussolini. Y son los cesarianos, cien veces peores que los pretorianos, con ser éstos tan aborrecibles.

Estamos como hace un siglo, como en 1822, como en 1833, cuando estalló la primera guerra civil carlista, la de los siete años; como en 1873, cuando estalló la segunda. Sólo que ahora los carlistas se agrupan en torno al trono. Es el sentido carlista de la Regencia.

¿Irá estudiando todo esto el joven Otoncito, el vástago imperial de los Habsburgos, que juguetea entre las encinas de El Prado?

Carlismo, fajismo, Tercio, colonización imperialista de Marruecos, poder personal... todo se enlaza. Y por otro lado, carreras de caballos, “skating-ring”, timbas, choricería, jugadoras de “lawn-tennis” y ¡viva la bagatela!» [17]⁶.

Даже в свой поэтический дневник «Песенник» Унамуно включает стихотворение «Фашизм» (17.10.1928), подчеркнуто злободневное, хоть и выдержанное с привлечением традици-

онных экзистенциалистских мотивов (nada, abismo — ничто, пропасть):

«No un manojo, una manada
es el fajo del fajismo;
detrás del saludo nada,
detrás de la nada abismo»⁷ [18, с. 159].

Гневная отповедь философа-предэкзистенциалиста⁸ фалангистам стала ярчайшим событием в истории мировой культуры и истории в целом. Члены профашистской партии выступали с ультранационалистическими речами 12 октября 1936 на праздновании дня испанской расы, в обстановке групповой истерии и раскола страны после вооруженного переворота 18 июля 1936 года. Отдельные фразы пожилого уже (на восьмом десятке лет) писателя и философа, дерзкая характеристика политики и самой сути правящего режима, вошли в фонд поговорок и пословиц (“Venceréis, pero no convenceréis”; “Callar significa asentir”). Приведем выдержки из речи Унамуно, за которую он поплатился местом ректора университета Саламанки и которая, без преувеличения, ускорила его кончину:

«Ya sé que estáis esperando mis palabras, porque me conocéis bien y sabéis que

⁶ «И карлизм никогда не был и не означал для Испании ничего иного, нежели, фа-шизу, пещерный национализм, хотя он иногда маскируется даже под Социализм, что Менендес-и-Пелайо назвал монашеской демократией. Лучше, чем демократия, охлократия, или Правительство толпы, массы, а не народа. Распоясавшиеся люди Мильяна-Астрая — это те же чернорубашечники Муссолини. Цезарианцы, в сто раз хуже преторианцев, хотя эти такие отвратительные. Мы — как в прошлом веке, как в 1822, как в 1833, когда разразилась первая карлистская гражданская война, семилетняя; как в 1873, когда разразилась вторая. Единственный момент: сейчас карлисты группируются вокруг трона. Это карлизм Регентства. Подмечает ли все это юноша Отонито (Альфонсо де Бурбон [1907–1938] — Т.Ж.), имперский отпрыск Габсбургов, играющий меж дубов Prado? Карлизм, фа-шиза, полк иностранного легиона, империалистическая колонизация Марокко, личная власть ... все совпадает. И, с другой стороны, скачки, «skating-ring», игорные дома, сосисочные, игроки «lawn-tennis» и ... да здравствуют пустячки!»

⁷ «Это не шайка, это стая, / фа-шиза; / за приветствием — нет ничего, / а далее — бездна».

⁸ См. об этом подробнее: [3].

no soy capaz de permanecer en silencio ante lo que se está diciendo. Callar, a veces, significa asentir, porque el silencio puede ser interpretado como aquiescencia. <...> Por desgracia hoy tenemos demasiados inválidos en España y pronto habrá más si Dios no nos ayuda. Me duele pensar que el general Millán Astray pueda dictar las normas de psicología a las masas. Un inválido que carezca de la grandeza espiritual de Cervantes se sentirá aliviado al ver cómo aumentan los mutilados a su alrededor. El general Millán Astray no es un espíritu selecto: quiere crear una España nueva, a su propia imagen. Por ello lo que desea es ver una España mutilada, como ha dado a entender.

Este es el templo del intelecto y yo soy su supremo sacerdote. Vosotros estáis profanando su recinto sagrado. Diga lo que diga el proverbio, yo siempre he sido profeta en mi propio país. Venceréis, pero no convenceréis. Venceréis porque tenéis sobrada fuerza bruta, pero no convenceréis porque convencer significa persuadir. Y para persuadir necesitáis algo que os falta en esta lucha, razón y derecho. Me parece inútil pedir os que penséis en España» [19, с. 37]⁹.

Подытоживая, отметим, что не вызывает сомнений тот факт, что политика и сейчас, и всегда — поле жесточайшего разделения мнений и

взглядов. Позиция писателя — его политические предпочтения, гражданская позиция, отношение с государственными институтами власти и общественно-политическими силами — неизбежно привлекает внимание общественности. Писатель, непосредственно касающийся политических тем, и писатель, намеренно их игнорирующий, равно транслируют свое отношение к политической картине мира. Так, уже сам факт ухода в жанр фэнтези, утопии или философской притчи также может способствовать выражению авторского кредо. Мы не касаемся случаев использования книг в качестве платформы выражения собственных политических взглядов, превращения литературного творчества в агитационно-пропагандистское действие — история литературы знает и такие примеры.

В этой связи представляется особенно важной задачей педагога университета формировать не узкого специалиста в конкретной области, равно гуманитария или нет, но, прежде всего, личность, обладающую широким спектром знаний, включая историю, философию, мировую литературу, способную рассуждать и анализировать феномен со всех сторон, оценивая с позиций прошлого и пер-

⁹ « Я уж знаю, что вы ждете, что я скажу, вы же меня хорошо знаете и понимаете, что я не смогу смолчать перед тем, что здесь говорится. Молчать иногда означает соглашаться, потому что молчание может быть истолковано как одобрение. <...> К несчастью, у нас сейчас слишком много инвалидов в Испании, а вскоре будет больше, если Бог нам не поможет. Мне больно и подумать, чтобы генерал Мильян-Астрай навязывал массам психические нормы. Инвалиду, которому не хватает величия духа Сервантеса, отрадно видеть, как растет число инвалидов вокруг него. Не будучи лучшим образчиком духа, генерал Мильян-Астрай желает создать новую Испанию по собственному образу и подобию. Но то, что он на самом деле хочет, и он сам нам это только что дал понять, так это искалечить Испанию.

Это храм ума и я — его верховный священник. Вы оскверняете это священное место. Что бы там ни говорила пословица, я всегда был пророком в моей стране. Вы победите, но не убедите. Победите, потому что с вами в избытке грубая сила, но не убедите, потому что, чтобы убедить, надо доказать. И чтобы доказать, вам надо что-то, чего у вас нет в этой борьбе, а именно, правды и законности. Мне кажется бесполезным просить вас думать об Испании ».

спективы будущего. Опросы-тестирования студентов-лингвистов 2–3 курсов иберо-романистики МПГУ (29 человек, 2016–2019 гг.) продемонстрировали, что более 93% (27 человек) знают литературу, историю, философию стран изучаемого языка поверхностно. В условиях сокращения

аудиторных часов и виртуализации учебного процесса даже ключевые события историко-культурного процесса стран изучаемого языка не получают должного освещения, что лишает студентов возможности изучить опыт чужих ошибок, а история, как известно, развивается по спирали.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Unamuno, M. de.* Literatura y literatos. Ensayos: 2 vols. Madrid: Aguilar, 1958. Vol. II. P. 1214–1217.
2. *Kristeva, J.* Semiótica 1 / tr. José Martín Arancibia. Madrid: Fundamentos, 2001. 272 p.
3. *Гусева, Т.К.* Экзистенциалистские мотивы Л. Андреева и М. де Унамуно. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2015. 326 с.
4. *Unamuno, M. de.* Turriemburnismo // De esto y de aquello / Ordenación, prólogo y notas de Manuel García Blanco. Buenos Aires: Sudamericana, 1951. Vol. II. P. 105–107.
5. *Unamuno, M. de.* ¿Existe una literatura proletaria? // Repertorio Americano. № 22. Tomo XVII. San José, 08.12.1928.
6. *Unamuno M. de.* Arte y cosmopolitismo // Ensayos: 2 vols. Vol. II. P. 1189–1192.
7. *Unamuno, M. de.* Socialismo y arte // Obras completas. Vol. IX. Madrid, 1966. P. 575–576.
8. *Unamuno, M. de.* El esteticismo annunziano // Obras completas. Madrid: Libreros, 1958. Vol. VIII. P. 657–662.
9. *Unamuno, M. de.* La novela contemporánea y el movimiento social // Obras completas / Introducción por M. García Blanco. Vol. IX. Madrid: Escelicer, 1966. P. 844–852.
10. *Unamuno, M. de.* Antología poética. Madrid: Alianza, 2007. 145 p.
11. *Ortega y Gasset, J.* En la muerte de Unamuno // Obras completas. Vol. V. Madrid, 1947. P. 262–264.
12. *Fagan, K.* La libertad de conciencia en Miguel de Unamuno // Alpha: Revista de artes, letras y filosofía. Universidad de Los Lagos. 2009. № 29. P. 291–301.
13. *Cano, J. L.* Unamuno y la guerra civil // Historia y poesía. Barcelona: Antropos, 1992. P. 105–117.
14. *Kazantzakis, N.* Spain / tr. Amy Mims. Berkeley: Creative, 1983. 254 p.
15. *Pasqual Mezquita, E.* La política del último Unamuno. Salamanca: Anthema, 2003. 496 p.
16. *Гончаренко, С.* Фашизм // Переводы из Мигеля де Унамуно. URL: <http://sfgoncharenko.ru> (дата обращения: 08.01.2019).
17. *Unamuno, M. de.* El fajismo en el reino de España // El Socialista. 28.11.1922.
18. *Unamuno, M. de.* Cancionero. Diario poético. Buenos Aires: Losada, 1953. 486 p.
19. *Núñez Florencio, R.* «Encontronazo en Salamanca: “Venceréis pero no convenceréis”» // La Aventura de la Historia. Madrid: Ed. Arlanza, 1998. № 184. P. 35–39.

REFERENCES

1. Cano J.L. Unamuno y la guerra civil. *Historia y poesía*. Barcelona, Antropos, 1992, pp. 105–117.
2. Fagan K. La libertad de conciencia en Miguel de Unamuno. *Alpha: Revista de artes, letras y filosofía*. Universidad de Los Lagos, 2009, No. 29, pp. 291–301.

3. Goncharenko S. *Fashizm. Perevody iz Miguel de Unamuno*, available at: <http://sfgoncharenko.ru> (accessed: 08.01.2019). (in Russian)
4. Guseva T.K. *Ehkzistencialistskie motivy L. Andreeva i M. de Unamuno*. Moscow, RIC MGGU im. M.A. Sholohova, 2015, 326 p. (in Russian)
5. Kazantzakis N. *Spain*, tr. Amy Mims. Berkeley: Creative, 1983, 254 p.
6. Kristeva J. *Semiótica I*, tr. José Martín Arancibia. Madrid: Fundamentos, 2001, 272 p.
7. Núñez Florencio R. Encontronazo en Salamanca: “Venceréis pero no convenceréis”, *La Aventura de la Historia*. Madrid, Ed. Arlanza, 1998, No. 184, pp. 35–39.
8. Ortega y Gasset J. En la muerte de Unamuno, *Obras completas*. Vol. V, Madrid, 1947, pp. 262–264.
9. Unamuno M. de. *Antología poética*. Madrid, Alianza, 2007, 145 p.
10. Unamuno M. de. Arte y cosmopolitismo, *Ensayos*, 2 vols, Vol. II, pp. 1189–1192.
11. Unamuno M. de. El esteticismo annunziano, *Obras completas*. Madrid, Libreros, 1958, Vol. VIII, pp. 657–662.
12. Unamuno M. de. ¿Existe una literatura proletaria? *Repertorio Americano*. № 22, Tomo XVII, San José, 08.12.1928.
13. Unamuno M. de. La novela contemporánea y el movimiento social. *Obras completas*. Introducción por M. García Blanco. Vol. IX. Madrid, Escelicer, 1966, pp. 844–852.
14. Unamuno M. de. Literatura y literatos. *Ensayos*, 2 vols. Madrid, Aguilar, 1958, Vol. II, pp. 1214–2017.
15. Unamuno M. de. Socialismo y arte, *Obras completas*. Vol. IX. Madrid, 1966, pp. 575–576.
16. Unamuno M. de. Turriemburnismo, *De esto y de aquello*. Ordenación, prólogo y notas de Manuel García Blanco. Buenos Aires: Sudamericana, 1951, Vol. II, pp. 105–107.
17. Pasqual Mezquita E. *La política del último Unamuno*. Salamanca, Anthema, 2003, 496 p.
18. Unamuno M. de. El fajismo en el reino de España. *El Socialista*. 28.11.1922.
19. Unamuno M. de. *Cancionero. Diario poético*. Buenos Aires, Losada, 1953. 486 p.

Жорж Татьяна Константиновна, доктор филологических наук, профессор, кафедра теории и практики перевода и коммуникации, Московский педагогический государственный университет, tk.zhorzh@mpgu.edu

George T.K., ScD in Philology, Professor, Theory and Practice of Translation and Communication Department, Moscow Pedagogical State University, tk.zhorzh@mpgu.edu